

Иеромонах Нестор (Сиротенко), настоятель Трехсвятительского подворья Московского Патриархата в Париже: «Храм Московской Патриархии» — за это сочетание слов приходилось дорого платить в 30-е годы...

— Отец Нестор, в чем вы видите исторические причины разделения русских православных верующих в Западной Европе?

— Все жители России, покинувшие Родину после революции, глубоко переживали свою вынужденную эмиграцию и продолжали любить Россию, продолжали надеяться на свое возвращение. Но большая часть этих людей пережила горькое разочарование. И это разочарование перешло в неприятие всего того, что происходило тогда в России, которая стала называться Советским Союзом. Они продолжали любить Родину, но Россия для них стала чужой страной, которая изгнала их из своих пределов.

И поэтому решение выйти из патриаршей Церкви, которое принял митрополит Евлогий в 1931 году, было для них естественным. Но позиция митрополита Евлогия разделялась не всеми.

Были люди, которые любили Россию несмотря ни на что, которые видели все ужасы коммунистического режима и понимали духовную трагедию русского народа. Но они считали невозможным отказаться от своей Церкви, даже если она находилась в пленении, в порабощении, в унижении. Они говорили: «Наша Церковь находится на кресте — как же мы можем ее оставить?».

— Кто были эти люди?

— Надо начать с имени основателя прихода митрополита Вениамина (Федченкова) — в ту пору епископа, инспектора Свято-Сергиевского богословского института. Он был духовником Белой армии, человеком монархических убеждений, и тем не менее он встал во главе этой небольшой группы людей, создавших храм Московской Патриархии.

Уже за само сочетание этих слов впоследствии приходилось дорого платить. Ведь с основанием прихода Московской Патриархии было в каком-то смысле потеснено само понятие — Русская Церковь в эмиграции.

Митрополит Вениамин был человеком, который всю свою жизнь стремился идти по узкому пути спасения. Он искал общения со святыми людьми и написал много замечательных духовных книг о своих встречах с такими людьми. Он умел чувствовать святость.

Когда возник вопрос о разрыве с Русской Православной Церковью, его что-то смутило — он почувствовал, что происходит что-то в духовном отношении неверное, неправильное. И он отслужил 40 литургий подряд. Он постоянно находился в духовном молитвенном общении с афонскими старцами, в переписке с ними, и испрашивал у них благословения на свои поступки.

Среди ближайших сподвижников епископа Вениамина был иеромонах (впоследствии архимандрит) Афанасий (Нечаев), который тоже оставил о себе память как человек, ведущий чрезвычайно сосредоточенную и строгую духовную жизнь. Не случайно он был

духовником Андрея Блюма, будущего митрополита Сурожского Антония, тогда совсем еще молодого человека.

В числе основателей прихода были и другие монахи, а также несколько мирян. К ним присоединились знаменитый философ Николай Бердяев, духовный писатель Петр Иванов, богослов и преподаватель Сергиевского института Владимир Ильин. Присоединилась группа молодежи, которая называла себя «Поэтическим братством», в нее входили братья Ковалевские. Совсем тогда молодой Леонид Успенский, Григорий Круг — впоследствии ставшие знаменитыми иконописцами, и многие другие. Они считали, что Господь промыслительно нам послал русское расселение на Запад, чтобы проповедь православия достигла и западных христиан.

— А как было организовано братство святителя Фотия? Это было молодежное братство?

— Да, это братство было образовано в 1923 году первыми прибывшими в Париж русскими эмигрантами из числа студенческой молодежи. К ним сразу же присоединился Владимир Николаевич Лосский, в будущем — крупнейший православный богослов XX века, Федор Тимофеевич Пьянов, Иван Аркадьевич Лаговский, братья Максим и Евграф Ковалевские, Леонид Александрович Успенский и многие другие.

Братство было названо в честь святителя Фотия, крупнейшего православного канониста. Целью братства было служение в поддержку Вселенского православия, перед лицом инославного мира и различных соблазнов, сомнений и разделений самих православных. И они считали, что в этом служении они могут опираться только на твердые, ясные каноны Вселенской Церкви и на каноническое сознание. Поэтому не случайно, что братство святителя Фотия поддержало тогда епископа Вениамина в создании монастырского подворья.

— Как сочетался монастырский уклад с приходской жизнью?

— Монастырская жизнь подворья протекала так же, как жизнь любого другого монастырского подворья, расположенного в большом городе. Была строгая монашеская жизнь, ежедневное уставное богослужение.. Устав был скорее ближе к монастырскому, чем к приходскому, но при этом приходили мирские люди. Они не только приходили на службы, но и поддерживали храм, потому что на первых порах существования там была страшная нищета.

Помещение, которое было найдено для храма, раньше служило подвалом велосипедной фабрики. Место совершенно убогое: кирпичные стены, кирпичный потолок, покрашенные белой краской. Надо было спускаться в подвал.

У основателей храма не было самих необходимых вещей, и прихожане принесли несколько икон, какие-то предметы церковной утвари. Но, конечно, многого не хватало.

Не хватало даже средств для существования. Питались священники только тем, что им приносили люди. У входа в храм стояла картонная коробка, куда складывали еду. Так существовало подворье.

Правда, стоит отметить, что, несмотря на эту крайнюю нищету, владыка Вениамин смог приобрести типографскую печатную машину. И сразу же, начиная с 1931 года, при храме начало работать издательство, которое выпускало духовную и просветительскую литературу. Это книги самого митрополита Вениамина, житие и написанный им акафист преподобному Серафиму Саровскому, акафист Иверской иконе Божьей Матери — такие небольшие брошюры, которые до сих пор нам служат в храме.

И которые в то время, когда в эмиграции остро не хватало духовной литературы, были очень важны и нужны.

Есть очень интересные воспоминания митрополита Антония о начальной жизни подворья, о том, как жили тогда основатели храма. Это действительно было полное отречение от всех материальных благ! Но в то же самое время духовная жизнь, церковная жизнь была чрезвычайно насыщенная. Работало издательство. В скором времени Леонид Успенский и Григорий Круг начали писать иконы. Храм был расписан ими. Та роспись, которую вы видите сейчас, была сделана в 1961 году, а тогда они писали иконы для иконостаса. И эти иконы до сих пор сохранились.

— Не могли бы вы подробнее рассказать о связи подворья с Афоном?

— Я расскажу такой интересный момент, связанный с преподобным Силуаном Афонским. Был такой знаменитый Дмитрий Бальфур, иезуит. Он встретился с преподобным Силуаном, и под влиянием этой встречи стал православным. Это широко известный факт.

Но менее известно то, что произошло дальше. Потому что этот человек, бывший иезуит, стал православным иеромонахом на Афоне. В 1932 году преподобный Силуан отправил его на Трехсвятительское подворье. И у о. Дмитрия было страшное внутреннее борение, потому что он был человек изысканных манер. А здесь, конечно, было очень трудно, очень бедно, и ему было очень тяжело. Но из переписки этого отца Дмитрия с отцом Софронием (Сахаровым), который передавал ему слова преподобного Силуана, видно, что они ему говорили, что его место, спасительное место — это Трехсвятительский храм Московской Патриархии. Но он все же ушел отсюда, отправился с митрополитом в Америку, и дальше его жизнь пошла совсем уже иначе, вплоть до того, что он отказался от сана и потерял веру. А незадолго до конца его жизни ему было мистическое посещение Божие, и он покался, вернулся. Это произошло уже в 60-х годах. Он специально приехал тогда из Англии, пришел сюда, в Трехсвятительское подворье, и здесь он вновь соединился с Православной Церковью. Вот такое интересное продолжение было у этой истории.

И вот так в 30-е годы русские в храме Трех Святителей осуществляли проповедь православия на Западе.

Сегодняшний юбилей — это действительно торжество и проповедь православия, потому что на праздник собрались не только верующие русские люди, но и много французов. Их отзывы говорят о том, что они хотят лучше узнать русскую духовную культуру. Особенно большое впечатление на французов произвел концерт православного хора в соборе Нотр-Дам.

— Как на это откликнулись католические священники?

— Идея организовать такой концерт возникла у владыки Иннокентия. Дело в том, что священники нашего храма уже традиционно принимают участие в поклонении Терновому венцу, которое совершается в соборе Нотр-Дам в первую пятницу каждого месяца. И благодаря этой величайшей христианской святыне между двумя нашими приходами возникла такая братская, можно сказать, связь. Поэтому, когда мы обсуждали праздничные торжества, то концерт решили провести именно в Нотр-Даме. И хотя вначале эта идея показалась нам слишком смелой, но, как видите, она увенчалась успехом.

— Как можно объяснить то, что французы, не знающие русского языка, были так внимательны к пению наших исполнителей?

— Я думаю, это свойство духовной музыки, которая влияет на сердце человека. Но, как вы тоже, наверное, заметили, публика очень тепло встречала не только духовные песнопения, но и русские народные песни. В русских песнях вообще слова не так важны. Потому что в них передается какое-то глубокое внутреннее состояние души. Пение говорит само за себя. И через него совершенно очевидным образом открываются те духовные ценности, о которых мы говорим.

Беседовала Татьяна Тарасова

"Церковный вестник" № 5 (330) март 2006 / Православный мир